

Новые перспективы и старые тени

(*"Новая женщина" западноевропейской беллетристики*)

Оригинал здесь: [Всё про Лесю Украинку](#).

В последние годы повторилось явление, столь знакомое всякому, кто следит за ходом распространения идей в литературном мире: идеи, давно брошенные в мир, долго, постоянно, но скромно разливавшие свой свет над несколькими поколениями, вдруг разгораются ярким, как бы искусственным светом, подобно фейерверку, который вот-вот грозит потухнуть, - и этот свет является из Франции.

Таким фейерверком в последнее время является возрождение женского вопроса в французской беллетристике. Темы, некогда модные в той же Франции, потом вышедшие там из моды и продолжавшие жить и развиваться в иных литературах, обошли весь культурный мир, снова возвратились во Францию, вместе с модами платьев шестидесятых годов, и теперь считаются там последним словом новизны. Прежде всего уверовали в эту новизну сами французы, главным образом авторы сочинений на модную тему, - на это часто указывают самые заглавия: "Femmes nouvelles", "Nouvelle douleur", "Volupte nouvelle" и т. д., - потом французское красноречие, искусство в подыскивании новых вариантов к старым мотивам, наконец, французский *arlotin* (слово, не имеющее себе синонима в других языках) заставили и других проникнуться этой верой, и теперь всякому, кто следит за новыми веяниями в литературе, приходится с этим считаться.

В сущности, отношение к женщине было всегда во французской литературе очень отсталым по сравнению с другими литературами. Французскому беллетристу редко удавалось возвыситься над альтернативой комплимента или брани по адресу женщины. Пьедестал или грязь - эта резкая антитеза преследует французскую женщину уже много веков. С легкой руки Мольера "ученая женщина", поставленная на одну доску со "смешной жеманницей", продолжала служить мишенью для насмешек и всяких *jeux d'esprit* вплоть до нашего времени. Только недавно молодой писатель Реми де Гурмон осмелился подать голос не только в защиту "ученых женщин", но даже и "смешных жеманниц" (*les precieuses ridicules*), уверяя, что "в сущности все их преступление состояло в нежелании поступать, как все". Это, кажется, со времен Мольера первое слово защиты в пользу бедных Като и Модлон (героини ком[едии] "*Les precieuses ridicules*" Мольера), которых "преступление" было даже меньше указанного их защитником: они именно хотели поступать, как все дамы "большого света", забыв свою принадлежность к третьему сословию. Каждый раз, когда французская женщина, стремясь подняться из ничтожества, вела себя "не по рангу", подчас попадая с непривычки в действительно смешные положения, ей кричали "назад!" - как будто из смешного положения возможен один только этот выход.

Эти окрики "назад!", с одной стороны, и сладко усыпляющие мадригалы, с другой, создали у французской женщины какую-то несвободную психологию. Во всей классической и неклассической французской литературе XVII и XVIII вв. нет ни одного женского образа, который можно бы поставить наряду с искренней, истинно свободной духом Корделией.

В романах той эпохи идеальная женщина представлялась или совершенно безличной, или добродетельно-пассивной, - это был тот идеал девушки "с очень кротким характером и с овечьими привычками" (*beaucoup de douceur dans le caractere et par habitude moutonne*), над которым тщетно иронизировал Стендаль уже в 30-х годах XIX ст. Руссо и Вольтер оставили этот идеал почти неприкосновенным, а Бомарше показал только оборотную сторону того же типа: девушка на вид "с овечьими привычками", а на деле искусная притворщица. Этот идеал пассивной кротости дожил неприкосновенным до самого романтизма, выдержал романтическую бурю и стоит до сих пор еще очень твердо в современной нам французской литературе.

Правда, этот тип сентиментально-кроткой женщины был в свое время очень популярен во всех литературах, но там, где он не носил явно подражательного французам характера, он все же вмел в себе элементы чего-то другого, не столь безнадежно-консервативного. Кроткие героини Шиллера, Гете, Диккенса, Пушкина имеют, по крайней мере, чувство человеческого достоинства, которое значительно удаляет их от идеала безответной овечки.

Те из французских романтиков, для которых такой идеал безответной кротости начал казаться слишком пресным, или ушли совсем из родной действительности, обратили свои взоры к страстному Востоку, или потерялись в романтических мечтах о средних веках, когда женщина будто бы